

Онъ обѣщаль съѣздить въ этотъ день въ Брумъ вмѣстѣ съ Кларисой и мистриссъ Мольчиберъ и осмотрѣть большой желѣзодѣлательный заводъ Денбрука, единственной владѣлицей котораго была теперь лэди Кэрмино. Ея имя стояло на всѣхъ фургонахъ и вагонахъ: „Клариса, маркиза Кэрмино“. Лашмеръ никогда еще не видѣлъ этого завода и вообще ненавидѣлъ осматривать какіе бы то ни было заводы и фабрики, ненавидѣлъ шумъ машинъ, запахъ печей, грязь и пыль, да не особенно жаловалъ и рабочихъ, хотя гуманный вѣкъ требовалъ, чтобы онъ смотрѣлъ на нихъ какъ на братьевъ.

Онъ сознавалъ также, что осмотръ завода является нѣкотораго рода признакомъ его подчиненности. На него будутъ смотрѣть какъ на будущаго мужа лэди Кэрмино. Это было все равно, что подписаться подъ собственнымъ смертнымъ приговоромъ. Но какъ бы то ни было, а надо было ѣхать по жарѣ и пыли, такъ какъ онъ слишкомъ легкомысленно далъ обѣщаніе прошлымъ вечеромъ, сидя въ пріятной атмосферѣ гостиной, когда казалось, что энергіи у него непочатой край. Но вотъ, когда наступило утро, онъ почувствовалъ, что осмотръ завода будетъ для него нестерпимой скукой.

„Да, мой братъ Губертъ былъ счастливѣйшій человекъ, какого я только зналъ,—говорилъ онъ самому себѣ,—счастливѣйшій, несмотря на свое несчастное тѣлосложеніе, потому что онъ всегда жилъ своей собственной жизнью, не сворачивалъ съ своей дороги то вправо, то влѣво, какъ баранъ подъ вѣтромъ пастуха, и какъ всѣ мы, злосчастные люди, рабы обычая, моды и эгоизма. Я хорошо помню, какъ онъ вѣчно, бывало, сидитъ въ этой комнатѣ, день за днемъ, спокойный, довольный, читаетъ, размышляетъ, иногда пописываетъ. Кетати, надо мнѣ издать оставшіяся послѣ него статьи; изъ нихъ составитъ интересная книга. Какой скучной, пустой жизнью казалась мнѣ тогда его жизнь, а вотъ теперь, честное слово, я завидую ему. Онъ жилъ не одинъ, но съ великанами прошлаго времени. Его товарищами были титаны. А я—я не заглядывалъ въ Гомера, съ тѣхъ поръ какъ вышелъ изъ университета; я не раскрывалъ Шекспира болѣе года. Я завязъ по уши въ Синихъ книгахъ, въ партійныхъ памфлетахъ и въ газетахъ, во всемъ этомъ дневномъ мусорѣ, который вѣтеръ разсѣетъ по воздуху и отъ котораго черезъ годъ не останется ни слѣда, ни воспоминанія“.

Онъ припоминалъ фигуру брата, сидящаго вонъ за тѣмъ письменнымъ столомъ въ глубокомъ креслѣ, которое маскировало его сгорбленные плечи, одной нѣжной рукой поддерживая блѣдный